

ЦЕННОСТИ | Нельзя, чтобы гибли люди, рождённые для труда и счастья

Тогда была война...

Г. МИРОНЕНКО,
ведущий архивист
МКУ «Городской архив»

«Самое тяжёлое было на фронте, но и мы познали и приняли на сердце столько бед, что четырёх лет хватит на целую жизнь. Неужели всё это было, спрашиваю я себя, зная, что это было, и почти не веря в это.»

Надо удивляться другому. Неужели этого не было сорок лет? Знаем ли мы истинную цену Великой Победы? Ценим ли наши долгие годы без войны? Нельзя, чтобы человека воспитывала, формировала война – величайшая из бед. Нельзя, чтобы гибли мирные люди, рождённые для труда и счастья! Нет, нет и нет войне – любой, холодной, ядерной, на суше, на море, на маленьком островке или в глобальном масштабе – трижды триста нет! И да будут благословенны годы без войны, каждый день без войны, каждый час... Эти строки магнитогорской поэтессы Нины Георгиевны Кондратовской сегодня звучат необыкновенно пронзительно. И хотя уже прошло шестьдесят девять лет со дня победы над фашизмом, события в мире показывают, что он снова поднимает голову.

В условиях военного времени все задачи, которые возникли перед тыловым городом, были

первоочередными: выпуск броневой стали для нужд фронта, создание эвакуационных заводов, учреждений и населения из прифронтовой полосы. За первые полгода войны в город прибыли, по разным источникам, свыше 50 тысяч человек. К концу 1941 года в Магнитогорск было эвакуировано 38 предприятий Наркомчермета. По решению горисполкома от 23 июля 1941 года «в связи с военной обстановкой и необходимостью размещения в городе дополнительных групп населения» проводится работа «по выявлению и учёту» жителей в индивидуальных посёлках «для возможного максимального уплотнения». К примеру, только для командного состава Ленинградских автобронетанковых курсов путём уплотнения было освобождено более 400 квартир. Вновь в срочном порядке строится жильё упрощённого типа – бараки и землянки. Потесниться пришлось и школам № 16, 31, 47 и 8, которые переходят на занятия в три смены, освободив свои помещения под госпитали.

Для разгрузки промышленных городов Челябинской области часть эвакуированного населения переселялась в сельскохозяйственные районы. На начало 1942 года в Агаповском районе было размещено около 1000 эвакуированных.

На заседаниях исполкомов принимают решения об обес-

печении прибывающих с занятых врагом территорий всем необходимым для нормального существования. Но бытовое положение беженцев оставалось крайне тяжёлым, о чём свидетельствует следующий документ: «Отсутствие в жилрайоне простых столов, табуретов, ящиков для хранения топлива, недостаток коек и постельных принадлежностей привели к тому, что ряд эвакуированных семей за неимением столов обедают на койке или за неимением койки спят на полу. Топливом эвакуированные семьи снабжаются нерегулярно, в результате чего имеются факты, когда квартиры не отапливаются в течение недели или же сжигается комнатная мебель».

Выводы областной проверки Агаповского района в январе–феврале 1942 года также были неутешительными: «...Часть эвакуированных живёт в сырых, грязных, холодных квартирах... Топливо эвакуированные получают с перебоями, достают с трудом... Санитарное состояние неудовлетворительное. Есть случаи, когда эвакуированные за шесть-семь месяцев были один раз в бане».

Действительно, санитарное состояние в городе к зиме 1942 было очень плачевным. Например, в посёлке имени Дзержинского одна парикмахерская приходилась на 99 землянок, а баня и прачечная не работали в течение двух месяцев.

Но город выстоял в эти первые трудные месяцы войны. На фоне исключительно тяжёлых условий тыловая Магнитка уже за первую половину 1941 года справилась с важнейшим заданием Государственного Комитета Обороны по освоению производства броневой стали и броневых листов. В конце ноября 1941 года группа работников ММК была награждена орденами и медалями. В начале 1942 года награды получили и работники треста «Магнитострой» «за успешное строительство объектов танковой промышленности».

В анкете к десятилетию комбината, напечатанной в «Магнитогорском рабочем» 31 января 1942 года, на вопросы в графе «Чем и как помогаете фронту, кто из вашей семьи в рядах РККА?» бригадир бетонщиков Г. Смертин ответил: «Установил рекорд в дни войны – 450 процентов сменной нормы на оборонном объекте; отчислением средств в фонд обороны и тёплыми вещами. В армии три брата». Актриса А. Скоморохова, «активно участвовавшая в шефских концертах, отчисляла однодневный заработок в фонд обороны, сдала ряд тёплых вещей, подписавшись на денежно-вещевую лотерею». Её муж находился в армии. Заведующая туберкулёзным отделением поликлиники С. Шулепникова ответила кратко: «Работаю, как велит долг советского патриота».

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА | Эти весточки с фронта – настоящая «хроника чувств»

Пока горит ещё свеча...

ТАТЬЯНА ФАТИНА,
заведующая отделом истории
краеведческого музея

Тема Великой Отечественной войны безгранична, потому что на уровне судьбы война, солдата – война своя, особая, индивидуальная...

В недрах истории войны есть пласт, который позволительно изучать очень деликатно. Это – фронтовые письма и дневники. Особенно те, в которых звучат ноты очень интимные: боль за гибель товарищей, волнение за семью в тылу, боязнь потерять любовь любимой женщины, физические страдания от ран и многое другое.

Война вызвала небывалую эпистолярную активность. Фронтвикам переписка была необходима, чтобы почувствовать тепло семьи, мысленно погрузиться в домашнюю атмосферу... Для семьи же важно было знать, что их сын, муж, брат – жив. Потому и жили от письма до письма.

Исследование фронтовых писем позволило выявить очень важную потребность солдатской души – непреодолимую тягу к лирике. На

фоне хаоса войны интимный мир переживаний ищет выход. В чем этот выход? В песнях, высокой поэзии, солдатском фольклоре...

Николай Дурегин пишет письмо матери из города Красно, где вот уже месяц после победы продолжается его служба. Он надеется на отпуск и скорую встречу. Вот строки из письма: «А как скучать я стал! До полуночи не могу заснуть, все думаю, как бы встретиться с вами. Но думаю, что моя мечта сбудется, ждите! Посылаю вам стишок.

*...Ненадолго семью фронтовую
я покину у хмурых Карпат,
Чтоб увидеть маму родную,
а об этом мечтает и брат.*

*Повстречаться с родными, друзьями,
приглубить любимую мать,
Что о встрече мечтала годами
и умела её ожидать!*

Мама! Вот о чём я все время мечтаю до полуночи!»

Прозу войны, наверное, можно было перекрыть только так, «поэтической строкой». Конечно же, такие «строки» не предполагали оценки знатока поэзии да и не нуждались в ней. Просто в них, как казалось автору, с большей силой можно было

передать душевное состояние, боль и тоску.

А вот письмо другого солдата, о котором мы читаем в книге А. Маметьева «Письма и документы Великой Отечественной войны», Дмитрия Кожемякина, уроженца Верхнеуральского района, шофера минометных частей. Письмо своему племяннику Александру пишет тоже в стихах. Он эмоционально описывает, как «задавит Гитлера-врага», и заканчивает послание так:

*Ответ пишите поскорее,
пока горит ещё свеча.*

*При ней читать ответ ваш буду,
и сердце вздрогнет у меня...*

Итак, Саша, остаюсь жив и здоров, чего и вам желаю. Была бы бумага, видимо, всю ночь и писал бы тебе это письмо».

Милые, наивные, искренние строки! Воистину, письма в любой форме, говоря словами поэта, – это «хроника чувств».

Можно ли назвать такие «стихи» солдатским фольклором? Возможно. А вот в другом письме Дмитрий Кожемякин написал переделанный текст песни на мотив «Катюши». Привожу только несколько строк:

*Выезжала, мины заряжала
против немца изверга-врага.
Ахнет раз – и роты не бывало,
ахнет два – и нет уже полка...*

Под влиянием героических событий возникали новые песни, переосмысливались давно знакомые, формируя вклад в фронтовое солдатское творчество.

Другое пристрастие солдат – замечательные стихи советских поэтов, которые несчетное количество раз по просьбе воинов переписывались писателями, и которые отражали тему, очень востребованную во время войны: любовь и верность любимым женщинам. Чаще всего мне в письмах встречались стихи Левитанского, Щипачёва, Симонова... «За окном кричат ночные птицы, ходит ночь. И в этот поздний час моему товарищу не спится, – значит, снова думает о вас...», – читаем в одном из писем. «Любовью дорожить умеете», – призывает автор другого письма. И, конечно же, симоновское «Жди меня и я вернусь...»

Когда солдат не мог сам выразить чувства, когда не хватало своих слов, он посылал стихи профессиональных поэтов. Тем самым, возможно, формировал в себе надежду на то, что сильные поэтические строки будут для жен цементирующим средством отношений, которые могла бы ослабить разлука, риск ранения, в общем – война.

Проблема верности во время войны существовала. Реальный случай побудил Константина Симонова написать большое стихотворение под названием «Открытое письмо». Вот его начало:

*Я вас обязан известить,
что не дошло до адресата
Письмо, что в ящик опустить
не постыдились вы когда-то...*

Это стихотворение, переписанное от руки, прислал домой в Магнитогорск Борис Истомин, когда узнал, что твердыня под названием «семья» у него рухнула. Об этом был подробный материал в «ММ».

Но не только тоска по дому и боль разрыва с любимыми женщинами звучат в солдатских письмах. В конце войны, когда победа была, что называется, в двух шагах, а особенно после 9 мая, письма были наполнены текстами песен и стихов патриотического содержания. Приведу только несколько строк из письма война Харьковской воинской части Нине Хаировой в Троицк:

*И наш народ героями богат,
и мы в делах героических на устали,
И нас ведет не знающий преград
Герой Труда, Герой героев Сталин!*

Те, кто погиб в бою с именем Сталина на устах, именно тогда, в момент смерти, сказали свое слово. Кто выжил и ликовал в День Победы, говорит это слово, как солдат в письме из Харькова. Это реальность тех дней.

Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего. Тадеуш Котарбинский